

ВЕРА ЛАВРИНА

Доцент кафедры отечественной истории, теории и истории культуры. Стихи и проза печатались в журналах «Огни Кузбасса», «Дружба народов», в альманахах студии «Лист» и др. Автор около десятка книг и учебников. Большая часть творчества Веры Лавриной предназначена для детей.

СКАЗКА ОСЕННЕГО ВЕТРА

– Ну и ветер! – матушка ловила развевающиеся полы пальто, хваталась за шляпу. Варюша, жмурясь, прятала лицо в воротник.

Темным осенним вечером они возвращались домой. Холодный ветер гнул и качал деревья, срывая с них последнюю листву, свистел и выл в проулках и дворах, то там, то здесь поднимал столбом опавшую листву. Порывистый ветер трепал Варюшин шарф. Один конец больно хлестнул ее по лицу. Варюша вскрикнула.

– О-о-ой! Ну почему он так злится! Будто мы ему что-то плохое сделали!

– Ветер – это движение воздуха, – объяснила матушка, – ни злиться, ни радоваться он не может.

– А ты сама говорила «злой ветер», «ласковый ветер», я слышала, – напомнила Варюша матушке.

– Просто люди образно, ну, для красоты что ли, говорят: «злой ветер», «ласковый ветер», «нежный ветерок» и так далее. На самом деле, конечно, ветры не могут злиться, быть нежными или ласковыми, любить. Они неодушевленные. Понятно?

– Понятно, – кивнула Варюша.

Вдруг она насторожилась:

– Ты слышала? – негромко спросила девочка.

– Что?

– Кто-то сказал: «Как вы не правы, сударыня».

– Это тебе показалось, – матушка оглянулась, – здесь нет никого, кто бы мог так сказать.

– Как вы не правы, сударыня, – эти слова ясно произнес глухой, колеблющийся, будто уносимый ветром голос.

– В чем я не права? – матушка остановилась, недоуменно оглядываясь.

– Вы не правы в том, что ветры не могут чувствовать, любить. Я хотел бы развеять это мнение. Вам стоит только пригласить меня в гости, и я расскажу вам свою историю, – странный голос, смешанный со свистом и шипением, то наполнялся силой, то ослабевал.

– Матушка, это сам ветер с нами разговаривает! – догадалась Варюша. – Мы приглашаем вас, приходите к нам в гости на Почтовую, три! – прокричала она в темную, свистящую улицу.

– Спасибо вам, добрые сударыни! – глухо отозвалось в ответ.

– Та-а-к, значит, они не только любят и разговаривают, но и в гости ходят. Интересно, с чем они чай пьют? – усмехнулась матушка. – В таком шуме что угодно может почудиться, – матушка быстро зашагала, сгибаясь под порывами ветра и волоча за собой Варюшу. «Ветренная любовь», – хмыкнула она и поглубже надвинула шляпу.

– Ты не веришь, что это ветер с нами говорил? – Варюша почти бежала, едва поспевая за матушкой.

– Нет.

– Но почему? Мы с тобой слышали одни и те же слова.

– Обман чувств – это бывает. К тому же встречаются разные шутники, которые любят разыгрывать и пугать барышень в темных переулках.

Но скоро матушке пришлось убедиться в том, что иногда надо верить тому, что чудится в шуме осеннего ветра.

Дом встретил матушку и Варюшу густым теплом и вкусными запахами. Старенькая кухарка баба Мила напекла гору блинов, поставила на стол чайный сервиз.

– Ужин готов. Будете ли ждать хозяина?

– Да, подождем, – ответила матушка, стряхивая со шляпы желтый лист.

– Баба Мила всех помыла, перемыла, вымыла, – запела Варюша старую детскую дразнилку, вертясь вокруг кухарки.

– Вот, я тебя! Намылю сейчас, шалунья, – погрозила та кухонным полотенцем своей любимице.

– Баба Мила, а с нами на улице ветер разговаривал, осенний.

– Ветер разговаривал?

– Да! Ты не веришь?

– Ну и что он вам сказал?

– Я его пригласила в гости, и он сказал, что придет.

– Ну, что ж, – улыбнулась кухарка, – пусть приходит, блины готовы.

Изразцовая печь весело гудела, разбрасывая вокруг себя жаркие блики. Ветер тихонько завывал в трубе, словно жалуясь на холод и ища приют.

Матушка взяла книгу и прилегла на диване. Варюша подбежала к печи и прижалась к ее теплему боку.

Тем временем ветер над домом стал гудеть все сильнее и сильнее. Гул нарастал и скоро превратился в страшный вой. И вот уже за окном бушевал ураган. Ветер безжалостно рвал листву с деревьев, гнул их до самой земли. Дом затрясся.

– Что это!? Что!? – матушка вскочила с дивана.

– Батюшки! Ураган какой!! – кухарка заметалась по комнате. – Ровно светопреставление началось! Куды бежать?! Где спастись?!

Варюша бросилась к матушке. Казалось, крышу вот-вот сорвет. В трубе раздался пронзительный свист ветра. Печь содрогнулась. И вдруг все стихло. В печи перестали потрескивать поленья, огонь потух.

И тут матушка, кухарка баба Мила и Варюша услышали доносящийся из печи негромкий гул и глухой голос:

– Не бойтесь, добрые сударыни, я не причиню вам вреда.

– Кто это? – с тревогой спросила матушка.

Все трое испуганно переглянулись. И вдруг Варюшу осенило:

– Да это же Осенний Ветер к нам в гости пришел, – крикнула она и счастливо заулыбалась.

– Ты права, девочка, надеюсь, твоя матушка не будет возражать? – сказал глухой голос из печи.

Матушка растеряно покачала головой.

– Вы думаете, я злой? Не-е-т, осень – моя работа, – глухо звучал прерывающийся голос. – Вы думаете, ветры не любят? И это не так. Я тот ветер, который тяжело поплатился за свою любовь. Маленькая сударыня не побоялась пригласить меня. Спасибо ей, я прекрасно устроился в вашей печи. Тепло у вас, хорошо. Усаживайтесь и вы поудобнее, сударыни. Хочу вам рассказать свою историю, грустную историю Осеннего Ветра.

Варюша примостилась на лавочке у самой печки, боясь пропустить хоть слово. Матушка присела подальше, в кресло, настороженно поглядывая на потухшую печь. Старая кухарка, недовольно ворча, стала задергивать шторы на окнах. Печь

негромко загудела, и в ее ровном гуле отчетливо слышался глухой голос Осеннего Ветра.

Давным-давно жил я в Самшитовых горах и был Теплым Горным Ветерком. Я мечтал тогда стать могучим Ураганом или великим Штормом южных морей. Мог ли я подумать, что всю жизнь мне придется мерзнуть на равнинах и гонять в ваших краях тяжелые мокрые тучи?

Есть у нас Повелитель Всех Ветров. В мерцании северного сияния, на самой верхушке мира стоит его трон. Он и направил меня в Самшитовые горы. Там я присматривал за погодой. Обогревал своим дыханием долины, разгонял тучи. У этих туч есть скверная привычка: столпятся где-нибудь над долиной и начнут ее поливать день и ночь. Если их вовремя не разгонишь, зальют всю округу. Я был молодым, расторопным и подавал большие надежды. Наверное, стал бы я со временем Штормом южных морей.

В те дни, когда над долиной светило солнце и у меня не было работы, а значит, случались выходные, я любил улетать в ваши города и селения. Я был любопытен. Мне нравилось наблюдать вашу жизнь. Я заглядывал в окна, через которые по вечерам так заманчиво льется теплый золотистый свет, любил пролететь по вашим рынкам и базарам, пошелестеть цветастыми шелковыми платками, пошуршать пестрыми лубочными картинками, погудеть в горшки и крынки, понюхать пышную сдобу, потрепать кудри красоток.

Занятная у вас жизнь. Но знаете, сударыни, что я думал тогда о вас: слишком много страхов, желаний и волнений в вашей жизни, слишком часто вы плачете и смеетесь, гневаетесь и ругаетесь. Не так у нас. Когда я возвращался в долину, то любовался деревьями, травами и цветами, их молчаливой, величественной жизнью. Они мне казались совершеннее вас, особенно деревья. Они ничего не хотят и не вожделеют, принимают смиренно все, что посылается им: и солнце, и дождь, и бурю, и стужу. Они не стонут, не кричат от боли, молча теряют листву, ветки, сохнут и умирают. Никто ничего не знает об их бедах и страданиях.

Особенно часто я прилетал на Соколиную гору. На ее склоне росла молодая Сосна: высокая, стройная. Мне нравилось любоваться ровным золотистым стволом, безупречным порядком ветвей, длинными блестящими иглами. Я стал замечать, что меня

каждый день тянет на Соколиную гору, мне хотелось быть с ней рядом, смотреть на нее, шелестеть в ее чудесной кроне. День, когда я не видел моей красавицы, был для меня напрасным. Вы, наверное, уже догадались, сударыни, что я влюбился в нее.

Сударыня матушка посмеялась над «ветреной любовью», я бы и сам посмеялся над этим, расскажи мне кто-нибудь такое раньше. Приятели ветры не понимали, что со мной происходит, среди ветров подобного никогда не было. Любовь считалась вздорной человеческой причудой.

Я забыл про горные долины, которые должен был обогревать, забросил свои дела. Все время я стал проводить на склоне Соколиной горы, возле моей возлюбленной. Я блаженно шелестел в ее ветвях, овевал прохладой в жаркие дни, укутывал теплом холодными ночами. В своей любви я стал следовать вашим человеческим привычкам. Например, мне очень нравилось дарить ей подарки.

– Подарки? Какие? – не утерпела Варюша.

– О, разные. Частенько мы, ветры, срываем с голов то, что вы на них надеваете: панамы, шляпы, платки. Один раз я унес шляпу какой-то иноземной принцессы. Длинная белая вуаль так подошла к изумрудной кроне моей возлюбленной. Я украшал ее ветви браслетами, кольцами, пышными бантами. Но больше всего мне нравилось играть для нее на флейте.

Тут не удержалась матушка.

– Играть на флейте? – удивленно спросила она. – Ветры могут играть на флейте?

– Возможно, я единственный ветер, который умеет это делать. Пастушок обронил неподалеку тростниковую флейту. Я научился играть на ней, да так, что птицы смолкали при ее звуках. Сейчас я смог бы сыграть даже на вашей печной трубе. Хотите послушать, сударыни?

– А это не опасно? – встревожилась матушка. – Вы чуть не разнесли наш дом, когда залетали в трубу.

– Извините меня, сударыни, но у ветров нет другого способа ходить в гости. А игра на печной трубе совершенно не опасна. Вот, послушайте.

Печная труба закашляла и вдруг негромко начала выводить низким хриловатым звуком мелодию. Звуки выплывали из печи, крепи, становились отчетливее, наполняясь то светлой

печалью, то отчаянием, то надеждой. Мама, Варюша и кухарка баба Мила, как зачарованные, слушали необыкновенную мелодию печной трубы в исполнении Осеннего Ветра.

– Поразительно, это поразительно! – расчувствовалась матушка.

– Как красиво! – восхитилась Варюша.

А старенькая кухарка даже смахнула со щеки слезинку.

– Вам понравилось!? И моя возлюбленная могла часами слушать мои мелодии. Ну, вот, сударыни, – вздохнул Осенний Ветер, возвращаясь к своему рассказу, – в то счастливое для меня время я совсем забыл о долинах, которые должен был обогревать теплом, о дождевых тучах. Великие погодные беспорядки начались в Самшитовых горах. Цветущие долины вымерзли. Над ущельем Белой реки произошло невиданное скопление туч. Дождь лил там, не переставая, неделю. Конечно, я должен был разогнать их по разным долинам и ущельям. Но... В общем, река вышла из берегов. Началось ужасное наводнение.

Когда Повелитель Всех Ветров узнал о бедствиях в Самшитовых горах, он пришел в неопишемую ярость. Повелитель приказал мне явиться к нему. Конечно, ему услужливо донесли о моих, как считалось, причудах.

– Ты поддался глупой человеческой слабости! – ревел он. – Никогда не станешь ты ни Штормом, ни Ураганом! Быть тебе унылым Осенним Ветром! Лети прочь с моих глаз! Вон! В холодные осенние равнины!

С тех пор я тяну по небу тяжелые дождевые тучи, срываю с деревьев пожелтевшую листву, вожусь со скверной погодой и все никак не могу привыкнуть к холоду. Здесь, в вашей печи, я впервые за много лет немного согрелся. Спасибо вам, добрые сударыни. Мне пора, нельзя нам, осенним ветрам долго заветриваться на одном месте.

– Подождите, – матушка поднялась с кресла, – а молодая Сосна, ваша возлюбленная, что с ней стало?

Из печи донеслись тяжелые вздохи:

– Она засохла, совсем засохла, сударыня. Повелитель запретил мне бывать в Самшитовых горах. Бедняжка очень тосковала, стала вянуть, желтеть. Брат мой, Легкий Летний Ветер, как мог, заботился о ней, но... – печь тоскливо загудела. – Вы, люди, счастливее нас, вы знаете, что любовь – это самое дорогое, что есть

на свете, а среди ветров я был чудачком, ленивым шалопаем, которого поделом наказали. Знаете, один раз она мне сказала, прошелестела своими иголочками, и я понял ее: «Если не любовь, зачем зеленеть, пускать молодые побеги, тянуться к облакам». Да, если не любовь, зачем дуть, шелестеть листвой, зачем рассветы и закаты, штормы и затишья, если нет любящих и любимых. Наш грустный мир оправдан любовью – это я понял, когда узнал ее. Вот и все. Заговорился я с вами, любезные сударыни. Пора мне проверять свое хозяйство – в трубе нарастал гул и свист.

– Но ведь осень когда-нибудь кончается, наступает зима, потом весна! – крикнула Варюша вдогонку Осеннему Ветру.

– Когда осень кончается у вас, она начинается в другом месте. Всегда где-нибудь бывает осень, – эти слова были уже едва различимы в нарастающем шуме.

В трубе снова страшно загудело, засвистело и через несколько мгновений все стихло.

С тех пор каждую осень печная труба дома номер три по улице Почтовой в ветреные дни дыханием осеннего ветра негромко наигрывает нежные, грустные мелодии.

МУШКА БЫСТРУШКА И КОЗЯВОЧКА РАЗЗЯВОЧКА

На одной зеленой лужайке жили комарики, мотыльки, букашки, червячки, жучки, паучки и прочий травяной народец. Среди них обитали мушка и козявочка. Мушка была шустра, быстра, долго не раздумывала, скоро дело делала. Лапки у нее так и мелькали, крылышки веером порхали, головка туда-сюда круть-верть. А козявочка была медлительна, задумчива сверх всякой меры. Крылышками взмахнет, лапками шевельнет и замрет, притихнет, задумается.

Возьмется мушка за какое-нибудь дело: и срок не кончится, у мушки – хлоп-топ – все готово. А козявочка только-только раздумывать начнет, что да как прикидывать. Звали мушку быструшкой, а козявочку – раззявочкой.

В самую теплую ночь лета наступала пора каждой молодой козявочке и букашке, каждому жучку, паучку выбрать себе пару. Для этого они собирались на лугу. К ночному празднику все

готовили себе красивые наряды: шили платья, мастерили шляпки и украшения.

Мушка-быструшка – ах, как скоро она соображала! – надергала пуха одуванчика и смастерила себе из него воздушный белоснежный наряд.

А козявочка-раззявочка долго раздумывала да прикидывала, какое же платье сшить. Она насобирала старых крепких нитей паутины – теперь они были для нее не опасны – распутала их, выкрасила соком спелой земляники и принялась ткать полотно для платья. Она старательно выплетала в полотне узоры из лепестков васильков, тычинок лесных лилий. То и дело к ней залетали комарики, мотыльки и поторапливали:

– Что сидишь, мудришь? Торопись! Скоро все уже соберутся на смотрины. Останешься без жениха, раззявочка.

Когда начались гуляния на зеленом лугу, козявочка только-только закончила ткать полотно и начала шить платье. Когда платье было готово, она полетела на цветочную поляну, собрала там золотую пыльцу кашки и обсыпала ею свое платье. Но ведь нужны еще украшения и красивая шляпка. Козявочка села мастерить брошь из яичной скорлупки. А шляпу она решила сделать из скорлупки кедрового ореха.

Тем временем на лугу уже гремела музыка. Нарядные букашки и жучки слетались со всех сторон. Мушка-быструшка везде успевала, она порхала от одного кавалера к другому: то с одним потанцует, то другому голову вскружит. В белом воздушном платье из пуха одуванчика она имела необыкновенный успех. Сгустились сумерки, и среди мотыльков засиял удивительный зеленый огонек – это прилетел на луг чудесный светлячок. Мушка-быструшка первая подскочила к светлячку:

– Ах, вы покорили меня своим блеском! – воскликнула она и пригласила его на танец.

Ну и кавалер ей достался! Золотисто-зеленый свет, идущий от него, очаровывал и завораживал. Глаз не отвести! Рядом со светлячком и мушка-быструшка тоже казалась прекрасным сияющим мотыльком. Она танцевала с ним без устали, никому не уступая своего блистательного кавалера. А под утро, когда взошло солнце, светлячок погас.

– Да ты простая зеленая козявка! – вскрикнула мушка-быструшка. – В тебе нет ничего особенного.

Она тут же бросила светлячка и полетела искать себе другого жениха. Но кавалеры теперь не очень-то обращали на нее внимание. За ночь пух одуванчика с ее платья облетел, и выглядела она неважно. И потом, она ведь всю ночь танцевала со светлячком, за это время всех кавалеров разобрали. Вернулась мушка-быструшка домой одна-одинешенька.

А что же козявочка-раззявочка? Когда она уже под утро появилась на зеленом лугу в своем чудесном, затканном цветными узорами и обсыпанном золотистой пылью платье, там уже никого не было. Последние пары покидали луг. Только несчастный брошенный светлячок горевал у опустевшего оркестра. В оркестре остался один музыкант – зеленый кузнечик, который без устали наигрывал на рояле свои любимые мелодии. Увидев прекрасную козявочку, светлячок робко протянул ей свою лапку:

– Осмеливаюсь пригласить вас на танец, – пролепетал он.

Козявочка смущенно приняла приглашение. Кузнечик ударил по клавишам всеми своими шестью лапками – и на опустевшей лужайке загремел вальс.

«Он хоть и невзрачный, но очень милый», – подумала козявочка.

А светлячку козявочка так понравилась, что он тут же предложил ей руку, то есть лапку, и сердце.

– Я должна подумать, – помедлив, сказала козявочка.

– Сколько вам нужно думать? – спросил светлячок.

– Об этом мне тоже надо подумать, – ответила она.

– Сегодня вечером вы могли бы дать мне ответ?

– Сегодня вечером? – задумалась козявочка. – Наверное, могла бы. – Тогда я жду вас здесь ровно в десять вечера, – откланялся светлячок.

Вечером козявочка в своем нарядном платье прилетела на луг. И что же она увидела? Ее кавалер, прежде невзрачный и незаметный, теперь сиял чудесным золотисто-зеленым светом.

«Какой он необыкновенный!» – воскликнула про себя козявочка. А светлячку сказала, что она согласна стать его женой.

Хотя днем чудесное сияние светлячка исчезло, козявочка не сомневалась, что вечером оно обязательно появится. И была права.

Так вот: жены должны помнить: если с мужем сходит прежний блеск – это не обязательно навсегда.

КУСТАРНИК ДОБРОЙ ЕЛЕНЫ

Как-то вечером молодая барышня Мелания пошла гулять. Когда она проходила мимо небольшого садика, на нее вдруг повеяло необыкновенным ароматом. «Что за цветы так благоухают?» – подумала она. Мелания посмотрела в сад и невольно воскликнула:

– О! Какое чудо!

В саду рос прекрасный кустарник. Цветы легкими сияющими шарами обсыпали ветки. В сумерках они мерцали и переливались, как радужные фонарики. Пораженная Мелания не могла сдвинуться с места. Она стояла и любовалась необыкновенной красотой.

Тут в сад вышла женщина. Увидев, что Мелания неотрывно смотрит на куст, она подошла к ней и сказала:

– Меня зовут Елена. Вам нравятся эти цветы?

– О, да, они чудесные! – выдохнула в восторге Мелания.

– Хотите, я отрежу вам веточку, вы посадите ее в своем саду.

– Как вы добры, буду вам очень благодарна! – обрадовалась Мелания. – В жизни я не видела цветов, прекраснее этих.

Добрая Елена отрезала небольшую ветку кустарника и подала его Мелании. Мелания была поражена ее добротой.

– Вы так щедры! Не повредит ли такая жертва кустарнику?

– О, нет. Ведь чем больше веток от него отрезаешь, тем лучше и краше он становится.

Мелания сердечно поблагодарила Елену и тут же поспешила домой с чудесной цветущей веткой. Как только она поставила ее в кувшинчик с водой, ветка тут же выпустила корни, и на следующее утро Мелания высадила ее в своем саду. Ветка быстро прижилась, не потеряв ни одного листика, ни одного лепестка. Каждый вечер теперь Мелания выходила в сад и любовалась необыкновенными цветами. Ветка быстро разрасталась и к осени превратилась в небольшой куст. Она, не переставая, цвела до глубокой осени.

– Ах, что за чудо этот кустарник! – радовалась Мелания.

Теперь многие останавливались возле ее садика, любуясь прекрасными цветами.

– Добрая девушка, не дадите ли веточку вашего чудесного кустика? Хотим посадить его в своем саду, – просили некоторые прохожие у Мелании.

– Он так мал, пусть подрастет немного, и я с радостью отрежу вам отросточек.

Мелания так дорожила своим кустарником, что до времени никому не отрезала ни веточки. Но вдруг кустик стал болеть и чахнуть: все цветы облетели, листья пожухли, ветки стали сохнуть и ломаться. Как ни ухаживала за ним Мелания – удобряла, поливала, берегла от жары, куст в конце концов погиб. Мелания ждала, что он пустит новые побеги от корня, но этого не произошло. В один ветреный день сухой корешок вывернулся из земли.

Опечаленная Мелания решила вновь пойти к доброй Елене, чтобы попросить у нее еще веточку чудесного растения. Она нашла дом Елены, но в саду уже не было того куста, от которого Елена дала ей отросток.

– Елена! Елена! – позвала Мелания.

На ее зов вышел древний старик.

– Что ты хочешь, доченька?

– А где Елена? – спросила Мелания.

– Елена умерла, – склонил голову старик, – закатилось наше солнышко. – Старик горестно вздохнул.

– Умерла... – едва слышно произнесла Мелания. – А тот чудесный куст, который рос в этом саду?

– Куст по завещанию Елены выкопали и подарили одной славной женщине.

– Куда же?

– Не знаю, доченька. Она приехала за этим кустом и куда-то увезла его.

– А мой отросток этого куста, который когда-то дала мне добрая Елена, погиб.

– Погиб? – переспросил старик.

– Да, – вздохнула Елена.

– А просил ли кто-нибудь отрезать веточку от твоего отростка?

– Просили, много раз, – кивнула Мелания.

– И ты не дала?

– Но ведь отросток был такой маленький...

– А разве не говорила тебе Елена, что этот чудесный куст таков, что чем больше от него отрезаешь веток для других, тем лучше он растет?

Мелания чуть задумалась.

– Да, что-то такое она говорила... Я подумала, что это для большого куста, а если куст маленький, то его еще нельзя обрезать.

– Как раз наоборот.

– Наоборот? – удивилась Мелания.

– Он потому и погиб. Ведь ты не дала отросток тем, кто просил и хотел привить это чудесное растение в своем саду. Елена могла бы сказать тебе, что если не отрезать веточки для каждого, желающего, куст погибнет, но...

– Почему она не объяснила мне этого?! – воскликнула Мелания.

– Наверное, ей казалось, что это всем известно: если просят, надо дать.

– Но ведь неразумно обрезать маленькое и слабое растение.

Старик покачал головой:

– Доброта всегда неразумна и нерасчетлива.

Мелании нечего было сказать. Она попрощалась со стариком и пошла домой.

сестре Наташе

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕРЕВЯННОЙ ЩЕПКИ

Обыкновенная деревянная щепка, которая появилась случайно, когда разрубили сосновые чурки, лежала в длинной поленице под навесом. Каждый день она слышала поскрипывание снега и постукивание поленьев. Это хозяева приходили за дровами. Поскрипывание и постукивание с каждым утром становилось все ближе и ближе. И вот однажды щепку вместе с другими поленьями сгребли в охапку, занесли в дом и бросили возле печи.

– Так вот для чего нас каждый день уносят из-под навеса! Чтобы сжечь в этой черной печи! – испугалась щепка.

Наверное, так бы и случилось: неприметная деревяшка, она сгорела жарким огнем в печке, оставив горстку пепла, если бы не мальчик, который подошел к поленице дров. Он увидел щепку.

– Вот такая мне и нужна! – обрадовался мальчик.

Он взял острый нож и начал строгать щепку.

– Пришел мой конец! – прощалась щепка с белым светом. – Сейчас он настрогает из меня лучинки, они вспыхнут и сгорят в один миг.

Но мальчик и не думал делать из щепки лучины. Он заострил ее с одного конца, подточил с другого, просверлил в щепке дырку, вставил в нее оструганную палочку, к палочке прикрепил лист бумаги – и получился кораблик.

– Назову-ка я его... – мальчик подумал немного и вырезал концом ножа на палубе короткое слово:

– «Герой».

«Они настоящие волшебники, – с восхищением подумала щепка о людях, – была я обыкновенная деревянная щепка, а теперь – «Герой».

За огородами бежала маленькая звонкая речушка, вскрывшаяся ото льда. Туда и отправился мальчик со своим «Героем». Он опустил его на воду, и кораблик помчался по быстрым волнам речушки. Кораблик прыгал через пороги, крутился в водоворотах, окунался в пенистые волны и стремительно взлетал на гребни.

– Так вот, что такое «Гер-ой», это когда быстро мчишься по воде и кричишь: «ой! ой! ой!», – догадалась щепка. – А что такое «гер»? Что-то непонятное. Ну, не важно!

Щепка все быстрее плыла вниз по реке, и мальчик стал отставать от своего кораблика.

– Стой! – кричал он. – Остановись!

– А как мне остановиться!?! – кричала щепка в ответ.

Скоро мальчик совсем пропал из виду, а щепка все плыла и плыла по реке.

– Оказывается, есть такая быстрота! – радовалась щепка, прыгая по волнам и врезаясь в белые пенистые барашки. – Мы, щепки, плывем даже быстрее тех, кто нас создал. Это мне нравится.

Вдруг щепка зацепилась за какой-то корень, закрутилась, запуталась в стеблях травы, свисавшей с берега, и остановилась.

Тут же ее подхватили две пухлые маленькие ручки.

– «Ге-рой», – по складам прочитала девочка слово, вырезанное на палубе кораблика. – Геройски запутался в трех травинках, – хихикнула она.

– Кажется, она надо мной смеется, – обиделась щепка.

– Нет, ты будешь не герой, а... – Девочка чуть задумалась. – А Марионелла! – решила она.

– Марионелла? Что же это такое? – размышляла щепка. – Может, это...? Нет. Наверное, тогда это...? Нет-нет. Может...? Тоже не может.

Ничего похожего на Марионеллу в жизни щепки не было.

Девочка принесла кораблик-щепку домой, положила на стол. Рядом заблестел острый нож.

– Опять меня будут резать! – испугалась щепка. – Так от «героя» ничего не останется!

Не обращая внимания на протесты щепки, девочка вынула мачту, залепила воском дырочку, взяла нож и начала строгать. Один конец щепки округлился – у нее появилась голова, потом шея, потом талия. Девочка крепко привязала мачту крест-накрест ниже шеи – получились руки. Потом она взяла карандаш, краски, кисточки и нарисовала чудесное личико.

– Улыбочку, – сказала девочка и старательно подняла вверх кисточкой уголки губ на лице щепки, – вот так. – Она довольно осмотрела свою работу. – Красивая получилась, настоящая Марионелла! Но это еще не все.

Новая хозяйка распустила варежку и из пряжи сделала для деревянной щепки, превратившейся теперь в Марионеллу, длинные кудрявые волосы. Волосы, то есть пряжу, можно было заплетать в косы, укладывать, завязывать в хвостики, что девочка тут же и принялась делать

– Ах, Марионелла! Я совсем забыла! – вдруг воскликнула она. – Ведь у вас нет ни одного платья.

Новая хозяйка деревянной щепки тут же достала цветные лоскутки, обрезки ткани, куски лент и кружев для нарядов для Марионеллы. Три дня она мастерила платья из тафты и шелка, юбки из бархата и капрона, манто из кусочка овечьей шерсти, вязаные шапочки и шали, батистовые ночные сорочки с кружевами, накидки, муфты, шляпки – все, что необходимо юной щеголихе и моднице. Поздно вечером третьего дня новая хозяйка нарядила Марионеллу в костюм из тафты, украшенный бисером, окутала ее газовым шарфом – и в таком виде Марионелла предстала перед игрушками.

– Это прекрасная Марионелла, она теперь будет моей любимой куклой, – сказала им девочка и поставила наряженную щепочку на полку с игрушками, а сама пошла спать.

– Они и вправду могущественные волшебники! – с восхищением подумала деревянная щепочка о людях. – Была я кораблем «Героем», а теперь – прекрасная Марионелла!

В комнате стемнело, и вдруг Марионелла услышала, как кто-то рядом прошелестел:

– Милое личико.

Марионелла огляделась. Рядом с ней на полке стояло много самых необычных и удивительных кукол. Здесь были куклы из бутылок, наряженные в бумажные платья и шляпки, сучки дерева, напоминающие человеческие фигурки, все увешанные лесным мхом, куклы из пластилина, глины, соломы.

– Очень милое личико, – это как раз сказала кукла из соломы, у которой вместо глаз были приклеены две медные пуговицы, а вместо рта – кусок красного атласа.

– И волосы у нее мягкие, – поддержала ее глиняная кукла. У глиняной куклы вместо волос на голове торчали короткие прутики.

– А по мне так пугало огородное! – насмешливо сказала тряпичная кукла. Глаза, нос и рот у тряпичной куклы были вышиты шелковыми нитками, золотистые кудри сделаны из распущенного капронового чулка. Она была очень даже симпатичной, но почему-то злилась на Марионеллу. – Пугало так и делают, как эту нашу Марионеллу: из двух палок, – злобно рассмеялась тряпичная кукла.

После этих слов деревянная щепочка ощутила странное чувство, которое прежде ей было незнакомо. Это была обида. «Почему она набросилась на меня, ведь я ей ничего не сделала и ничего дурного про нее не сказала», – с горечью подумала деревянная щепочка или Марионелла.

Вообще-то тряпичная кукла была очень рассержена на Марионеллу. Еще бы! Ведь совсем недавно она была любимой куклой маленькой хозяйки. Она получала новые наряды и украшения, с ней разыгрывались представления для всех остальных игрушек, которые с обожанием смотрели на златокудрую красотку. И вот теперь новая любимица. Как только она появилась, хозяйка ни разу не взяла в руки тряпичную куклу, и та просто кипела от злости.

– Тебе бы пошла старая дырявая шляпа и выцветший халат из сатина. Вороны этого очень боятся! – продолжала она насмехаться над деревянной щепочкой.

Марионелла почувствовала, как повлажнели ее глаза.

«Кажется, деревянной щепочке хочется заплакать», – поняла она. Или это Марионелла страдает в ее деревянном тельце?

Вдруг из-за соломенной куклы выскочил маленький всадник на зеленой лошади с красной гривой. Хотя его лошадь была не выше мышонка, а вместо пики в его руках поблескивала обыкновенная спица, выглядел он отважным и решительным. Всадник нацелил свою пику-спицу на тряпичную куклу и крикнул тоненьким голосом:

– Не смейте обижать прекрасную Марионеллу! А не то проколю так, что из вас посыплется манная крупа, которой набита ваша глупая, злая голова!

Сушая правда! Внутри у тряпичной куклы, действительно, была манная крупа. Этот неприятный для нее секрет раскрылся – и игрушки стали весело переглядываться и посмеиваться над тряпичной куклой.

– Ты еще пожалеешь-ш-шь об этом, – тихо прошипела тряпичная кукла и сверкнула своими черными шелковыми глазами.

Но Марионелла уже не боялась ее – рядом был такой славный защитник.

– Благодарю вас, отважный всадник, – воскликнула Марионелла.

– Я всегда защищаю тех, кого обижают, – гордо произнес маленький всадник.

– Расскажите мне, как вы сюда попали, – попросила его Марионелла, – я вижу здесь много кукол и только одного всадника.

– С удовольствием, – ответил тот. – Но я хотел бы предложить вам прогулку по этой полке. Мы могли бы побеседовать и познакомиться с ее обитателями

– Отчего не погулять, – весело ответила Марионелла.

Всадник и Марионелла неспешно отправились по краю деревянной полки. Глиняные копыта зеленой лошади глухо постукивали по дереву. Маленькому всаднику приходилось высоко поднимать голову, чтобы увидеть лицо Марионеллы.

– Меня закинул сюда брат вашей хозяйки, – начал свой рассказ всадник.

– Закинул брат? – удивилась Марионелла.

– Да. Это маленький прожорливый толстячок, который вечно что-то жует, оставляя повсюду огрызки яблок, недоеденные бутерброды, чашки с недопитым молоком и тарелки с остатками пирожных. Ваша хозяйка запретила ему играть своими куклами, потому что после его игр ей приходилось пришивать оторванные руки, приклеивать головы и косы, чинить платья. Тогда несносный шалун начал тайком от своей сестры вести войну против ее кукол. Он швырял в них обломками старых игрушек, забрасывал их своими солдатыками. Позавчера он швырнул меня на полку с игрушками. Я угодил как раз в соломенную куклу. Это меня и спасло.

– Спасло? От чего? – не поняла Марионелла.

– Ну, я же ведь сделан из глины. Если бы я не плюхнулся прямо на мягкую соломенную куклу, то разбился бы вдребезги. Хорошо, что еще сумел удержать в руках свою пику. Без нее я не смог бы защитить вас от этой завистницы.

– Вы думаете, что тряпичная кукла завидует мне? – спросила Марионелла.

– Конечно! Как только хозяйка сделала вас, она начала ворчать: «Сколько можно делать этих кукол, их уже некуда ставить, жди теперь, что только с этой деревяшкой и будет играть наша хозяйка». Так и вышло.

– А тряпичная кукла, она откуда появилась?

– Ее тоже сделала наша хозяйка. Она сделала всех кукол, которые стоят на полке. Даже меня.

– И вас тоже?

– Ну, да. Когда-то она слепила меня и мою лошадку из глины, раскрасила нас, вручила мне спицу вместо пики и подарила своему младшему брату.

– Мне кажется, что она могущественная волшебница, – негромко произнесла Марионелла

– Похоже на то, – охотно согласился с ней зеленый всадник.

– Вон, видите, бутылка из-под лимонного ликера с узким длинным горлышком в платье из золотой фольги?

– Да.

– Это мадам Бутыльон. Она глава целого семейства Бутыльонов. Рядом – бутылка из-под шампанского – это папаша Бутыльон в плаще из бумаги для елочных игрушек. А вокруг

полдюжины Бутыльончиков – маленькие бутылочки разных размеров из-под соусов, сиропов, – их дети. И у каждого неплохой наряд. Все они – дело рук вашей хозяйки.

– Здравствуйте, уважаемые Бутыльоны, – вежливо поздоровалась Марионелла с бутылочным семейством.

– Здравствуй! Здравствуй! Доброй ночи, дорогая Марионелла! – зазвенело семейство.

– А вот, смотрите, забавная куколка из маленьких цветных клубочков пряжи. Ее так и зовут, мадам Клубочек.

– Как поживаете, мадам Клубочек? – приветливо обратилась Марионелла к кукле, похожей на цветного снеговичка.

– Хорошо, спасибо тебе, дитя мое, – ласково ответила мадам Клубочек.

– Ой! А это кто? – Марионелла увидела необыкновенное создание с длинными золотистыми волосами все укутанное в светло-зеленые листья. Из листьев выглядывало хорошенькое личико.

– Это госпожа Кукуруза.

– Кукуруза? – не поняла Марионелла.

– Ну да, ваша хозяйка нашла на кукурузном поле большой початок кукурузы с длинными золотистыми волосами, пририсовало ему лицо.

– Как мне?

– Да. И получилась кукурузная кукла. Я слышал, что хозяйка обещала госпоже Кукурузе на том же поле найти жениха Кукуруза, а потом и деток кукурузят.

– А мне хозяйка не обещала найти жениха? – застенчиво спросила деревянная щепка.

Зеленый всадник смутился. Ему очень понравилась деревянная щепочка Марионелла и он не прочь был бы стать ее женихом.

– Ничего такого я не слышал, – пробормотал он. – А какого вы хотели бы жениха?

– Красивого, смелого, благородного, – с воодушевлением произнесла Марионелла.

«Так это же я!» – чуть не вырвалась у маленького зеленого всадника. Он с обожанием взглянул на Марионеллу со своей лошадки

– И чтобы он был тоже из дерева, как и я.

– Почему тоже из дерева? – упавшим голосом спросил всадник.

– Чтоб мы были похожими, – пояснила Марионелла.

Всадник грустно склонил голову. «Какая разница, из чего ты сделан, любовь делает нас всех похожими», – подумал он.

Теперь они проходили мимо семейства кукол из пластилина. Вокруг пластилиновых папы и мамы стояло полтора десятка пластилиновых деток, мал-мала меньше. Самый младший пластилиновый детеныш был ростом с подсолнечное семечко.

– Ах, какая крошка! – восхитилась Марионелла. – Смотрите-ка, наша хозяйка умудрилась даже сделать ему игрушку, это... – Марионелла присмотрелась. – Это лошадка! Да, да! В точности, как ваша. Просто чудо!

– Марионелла, нам пора возвращаться на прежнее место, – напомнил зеленый всадник, – скоро начнется день, на полке с игрушками все должно быть так, как перед закатом солнца.

– Как не хочется возвращаться опять к злобной тряпичной кукле.

– Ничего не поделаешь. Над нами воля человеческая.

Зеленый всадник и прекрасная Марионелла повернули обратно и медленно двинулись вдоль края полки туда, где сидела тряпичная кукла.

– Все куклы, сделанные нашей хозяйкой, так милы, и вы такой добрый, – сердце маленького всадника затрепетало, – почему же, – продолжала Марионелла, – тряпичная кукла так отличается от всех, хотя с виду очень красивая? Почему она злая и завистливая, будто сделана вовсе не руками нашей замечательной хозяйки?

Всадник задумался.

– Наверное, потому, что ваша хозяйка так добра, что позволяет нам быть самими собой, разными: добрыми и злыми, веселыми и молчаливыми, как кому хочется, – ответил он.

«Какой он умный! – с восхищением подумала Марионелла. – Жаль, что очень маленький».

Только всадник и Марионелла добрались до своих мест, как к деревянной щепочке протянулись руки маленькой хозяйки, и она забрала ее с полки.

Теперь целыми днями хозяйка играла с Марионеллой. Она шила ей новые платья, мастерила нарядные сумочки из кусочков

сафьяна, кроила простыни и одеяльца и даже сделала мебель из цветного пластилина.

Как-то в полдень она отправилась с ней на прогулку.

– Смотри, какой чудесный сад! – воскликнула маленькая хозяйка и посадила Марионеллу в середину цветущей клумбы.

Деревянная щепочка очутилась в сказочном лесу. Над ней нависли огромные белоснежные хризантемы, похожие на причудливые облака, горели алые георгины. Мимо прополз полосатый жучок, с любопытством оглядывая незнакомку. Рядом с аппетитом хрумкала листьями жирная пестрая гусеница. Зеленые стебли и листья выстилали на земле узор из света и тени. Благоухали розы. «Какой необыкновенный, волшебный мир!» – с восхищением думала Марионелла. – Я бы хотела жить здесь всегда! Со своей хозяйкой и зеленым всадником».

Но хозяйке нравилось больше жить в доме, она лишь иногда приносила Марионеллу на цветущую клумбу.

Однажды поздним вечером, когда Марионелла вновь оказалась на полке с куклами, она увидела, что ее с нетерпением ждет зеленый всадник, который, судя по всему, решил сказать ей что-то очень важное.

– Прекрасная Марионелла! – начал он.

Но что именно хотел ей сказать всадник, Марионелла уже не слышала. В тот же миг к ней метнулась тряпичная кукла и со всей силы толкнула ее. Марионелла соскользнула с полки и полетела вниз, в черную пустоту.

– Я с вами! – воскликнул всадник и отважно бросился за ней.

Марионелла услышала громкий стук и упала во что-то липкое и холодное. Когда она пришла в себя и осмотрелась, то поняла, что лежит в глубокой тарелке. Эту тарелку оставил на полу брат хозяйки. На этот раз он не доел мясную подливку. В нее и упала с полки Марионелла. С трудом она выбралась из тарелки. Вид у деревянной щепочки был самый жалкий. Нарядное платье пропиталось жирным соусом, краска на лице кое-где подтекла, с длинных волос стекали капли подливки.

Присмотревшись, Марионелла увидела на полу кусочки зеленой глины, рядом с ними поблескивала стальная спица.

– Ведь это мой чудесный друг, зеленый всадник! – с ужасом поняла Марионелла. – Он бросился за мной с полки и разбился! Ах, несчастье!

Марионелла стояла над сухими кусочками безжизненной глины. Она не чувствовала боли, когда ее строгали и даже когда мальчик сверлил в ней дырку для мачты, но сейчас ей было очень больно, и щепочка понимала, почему – она потеряла друга. «Наша хозяйка такая волшебница, она сумеет склеить, сшить или починить его снова, – с надеждой думала Марионелла. – Но что же теперь делать мне?» Марионелла посмотрела вверх:

– Нет, до полки с игрушками мне никак не добраться, – поняла она. – К тому же там эта мерзкая тряпичная кукла.

Бедная Марионелла не знала, куда ей деться. Вокруг было темно, слышались какие-то непонятные пугающие стуки и шорохи. Дрожа от страха, она побрела туда, где, как ей казалось, было светлее. За ней ниточкой тянулся след от жирного мясного соуса. Она кое-как примостилась возле ножки стола и постаралась побороть страх. «Ведь я же была «герой», – уговаривала себя деревянная щепочка.

Но что это там шуршит и шуршит в углу? Это юркая серая мышка вылезла из маленькой дырочки в полу и прошмыгнула к полке. Она быстро задвигала своим острым носиком.

– Пахнет чем-то вкусным! – обрадовалась она. – Вот это да! Настоящий мясной соус!

Мышка с аппетитом вылизала остатки мясной подливки, потом оббежала вокруг пустой тарелки и заметила тоненькую струйку на полу, которая тянулась под стол. Мышка, слизывая соус, шла по следу прямо к Марионелле. Деревянная щепочка в страхе прижалась к ножке стола.

– О! Да тут еще и косточка! – в восторге пискнула мышка. – Какая удача!

Она схватила Марионеллу и потащила ее в свою норку.

В темной норе на деревянную щепочку набросились пятеро маленьких мышат. Они разодрали ее платье, перегрызли длинные волосы

– Фи! Это не косточка! – сказал самый старший мышонок, выплевывая обрывки шерстяной пряжи. – Это обыкновенная деревяшка!

– Правда, она вся в мясной подливке, – сказал другой, с удовольствием облизывая деревянную щепку.

Мышата быстро слизали вместе с мясным бульоном краску с лица Марионеллы, оставив цветные разводы, отгрызли ей руки, и она снова стала обыкновенной деревянной щепкой.

– Хм, неплохая щепка, – сказал папамышь, – сделаю-ка из нее, такую штуку для мышат, которую я видел у этих бесшерстных верзил.

«Какую же штуку собираются из меня делать на этот раз, и кто такие «бесшерстные верзилы?» – подумала деревянная щепка.

Папашамышь связал оставшиеся обрывки пряжи, сложил их в две петли, прикрепил к потолку, а в петли вставил концы деревянной щепки.

– Ну, вот, качайтесь, мышата, – сказал довольный папаша.

Мышата с писком бросились на качели. «Так вот, значит, какую штуку сделал из меня папашамышь – качелю. Я сама не раз качалась в саду со своей хозяйкой. А бесшерстные верзилы – это, наверное, люди», – думала щепка. Ей стало обидно за людей.

– Сами вы мелкие волосатики! – крикнула она мышатам, взлетая то вверх, то вниз на шерстяных нитях.

Но мышата нисколько не обиделись, а, может быть, просто не услышали деревянную щепку.

Для деревянной щепки потянулись однообразные дни, вернее ночи. Ведь в норке всегда было темно и ничего не менялось. Бесконечно она качалась вверх-вниз, вверх-вниз, слышала гомон и писк мышат, топчущих на ней, и вспоминала те чудесные времена, когда была прекрасной Марионеллой.

Щепка не могла сказать, сколько времени провела в норке. Мышат становилось все больше, и мамашамышь стала ворчать, что стало очень тесно, что пора делать ремонт и выбросить, наконец, из норы все лишнее. И, конечно, деревянную щепку.

У деревянной щепки появилась надежда, что она снова вернется в дом к своей хозяйке и станет прекрасной Марионеллой. Но папашамышь выбросил ее через другой ход, и она оказалась под высоким крыльцом, по которому когда-то маленькая хозяйка занесла ее в дом.

Здесь было не так темно, как в норе. Через щели проникал свет. А когда мыли крыльцо – лилась вода. Деревянная щепка отсырела и покрылась плесенью. Когда по крыльцу поднимались или спускались обитатели дома, половицы тихонько скрипели. «Сколько раз уже, наверное, по этому крыльцу прошла моя дорогая

хозяйка, – с грустью думала щепка. – Она даже и не подозревает, что я лежу здесь давным-давно». Иногда под крыльцо забежали цыплята поискать чего-нибудь вкусенького. Они начинали клевать щепку своими острыми клювиками.

Дни сменялись ночами, лето – осенью, зима – весной. Щепке казалось, что прошла вечность и что прекрасная Марионелла была не в ее, а в чьей-то другой чудесной жизни.

Однажды в щель между досками провалилась медная пуговица. Щепке эта пуговица показалась знакомой.

– Где-то я ее видела, – подумала она и вдруг вспомнила! – Это же та самая медная пуговица, которая с другой такой же была глазами соломенной куклы! Да, да! Соломенная кукла, которая стояла на полке нашей хозяйки!

Деревянная щепка страшно разволновалась.

– Скажите, сударыня пуговица, ведь это вы были глазами соломенной куклы, – спросила деревянная щепка.

– Да, а откуда вы знаете? – удивилась пуговица.

– Видите ли, я была знакома с соломенной куклой.

– Знакома с соломенной куклой? – с сомнением спросила медная пуговица, глядя на грязную и заплесневевшую деревянную щепку.

– Да, да, я – Марионелла.

– Марионелла!? – изумилась пуговица. – Бедняжка! Что с вами случилось, прекрасная Марионелла!? Наша хозяйка вас так долго искала!

Марионелла рассказала пуговице свою грустную историю о том, как ее столкнула с полки тряпичная кукла, как вслед за ней бросился зеленый всадник и разбился, как она попала в мышиную нору и была там качелей, а теперь вот уже много-много дней лежит под крыльцом.

– Несчастливая Марионелла, – пожалела пуговица деревянную щепку. – Сколько вам пришлось пережить. Вы не можете представить себе, как давно это было. Там, в доме нашей маленькой хозяйки теперь все сильно изменилось.

– Что же изменилось?

– Наша хозяйка выросла и уехала. Теперь полки с куклами нет. Некоторых кукол она перед отъездом раздарила, других поломал и разорвал ее младший брат.

– И соломенную куклу?

– Да, – грустно ответила пуговица, – поэтому я и попала сюда.

– А тряпичная кукла? – с затаенной неприязнью спросила деревянная щепка.

– Она вся износилась, истрепалась. У нее оторвались волосы, выцвели глаза и губы, и мама нашей маленькой хозяйки бросила ее в печь.

– Скажите, а маленький зеленый всадник... Его склеили?

– Конечно, наша хозяйка очень добра, она склеила его, но это маленький разбойник вновь разбил его вдребезги.

Деревянная щепка грустно вздохнула.

– Как хорошо, что вы попали сюда, дорогая пуговица, теперь будет с кем обмолвиться словечком.

Только деревянная щепка успела произнести эти слова, как под крыльцо протиснулся щенок. Он уставился круглыми глазами на щепку. Чем-то она ему очень понравилась. Наверное, тем, что пахла мышами и мясной подливкой. Щенок схватил деревянную щепку и помчался с ней прочь. Он выбежал со двора, проскочил мимо сада и устроился на лужайке. Можно не сомневаться: щенок в один миг разгрыз бы деревянную щепку, так что от нее остались бы только мелкие кусочки дерева. Но тут на лужайке появилась рыжая кошка с белым хвостом. И щенок, бросив щепку, с громким лаем кинулся догонять кошку.

А в это время на полянку пришли Миша и Маша.

– Смотри, какая интересная вещь, – сказал Миша, поднимая деревянную щепку. – Это какой-то старинный деревянный предмет. Видишь, на нем что-то написано на древнем языке, – Миша внимательно рассматривал щепку.

– I E I O, – попытался он прочитать. – Этот язык еще не разгадан, – заключил он.

– А дырка для чего? – спросила Маша.

– В древности все ценные вещи носили на поясе, для этого и дырка, – пояснил Миша. – К тому же на этом предмете следы раскраски, видишь, на закруглении.

– А почему этот конец закруглен? – не унималась Маша.

– Тебе надо бы знать, что круг – это символ солнца, – с укориной взглянув на Машу, ответил Миша. – Хм, очень интересно, очень интересно. Древний магический предмет. Редкая вещь, – веско сказал Миша. – Возьму ее в свою коллекцию.

Так деревянная щепка оказалась в большой картонной коробке Миши рядом с другими редкостями. В коробке были еще клык медведя, куриный бог, кусочек слюды, маленький камень, упавший с неба – метеорит, игла дикобраза, обломок древней стрелы и множество других диковинок.

«Я – редкая вещь, – с гордостью думала о себе деревянная щепка. – А разве это не так? Какая еще щепка может похвастаться тем, что была кораблем «Героем», куклой Марионеллой, качелей для мышат да еще и украшением коллекции?»

Наверное, она права.